

А ПОУТРУ ОНИ ПРОСНУЛИСЬ...

ИТЯЖКИМ, и трагикомичным, и даже просто смешным было их «большое», а по-другому — похмельное пробуждение. Попытаемся хотя бы как-то проанализировать то, что на языке литературы Василий Шукшин назвал разговором о душе, затеянным, по его выражению, «не вчера, не сегодня — давно». И похлинул свою мысль: «В городе ли, в деревне одолевает нас тема нерешенных проблем — проблемы механизации, проблемы мелкорации, проблемы интеграции и т. д. и т. п. Важные проблемы? Кто об этом спорит...

Но вот что меня мучает страшно: всегда ли мы успеваем, решая эти проблемы, задумываться о самом главном — о человеке, о душе человеческой? Достаточно ли мы думаем и заботимся о ней?!

Да, тема асистины серьезная — шукшинская тема — «на быту» искать философию, социальную причинность той или иной нравственной «болезни», душевного разлада личности с самой же собой.

И вдруг! (а может, и вовсе не вдруг!) эта психологически сложнейшая проблема ставится и толкуется средствами «веселого» жанра. Театром оперетты. Что за парадокс! Более того, nonsense какой-то (последние слова в духе жанра).

Новое всегда интригует. Посмотрим, что получится с покушением на красоту. Разве можно смеяться там, где трагедией попахивает? Забегая вперед, скажу: можно, да еще как! Здоровым, совесть

укрепляющим, нет, все-таки очищающим, смехом довелось нам посмеяться. Именно так смотрелся спектакль, название которого вынесено в заголовок, поставленный Новосибирским театром музыкальной комедии.

Теперь пора избразить схему действия. Ее, так сказать, зрительный ряд: мы видим нечто серое, причем в тяжелом железяном колорите. Это декорационная статика. Потом, заиграя, она преобразится в весьма динамичный, подвижный, порою в нелепый по интерьеру пространственный фон картины спектакля и в его целом виде, и в отдельных, но, по идее, вполне самостоятельных фрагментах. Взволнованную мысль вложит в свое «уродливое» детище художник Сергей Болле. Каждую деталь высветлит, обесцветит прямо-таки «колоритно-белыми» условиями и для фантазии режиссера-постановщика (народный артист РСФСР Анатолий Мовчан), и для исполнителей ролей (в спектакле они все главные).

Один из фрагментов крупным планом — вырезатель. Мрак перед началом «воскресения из мертвых». Один из героев с глухой иронией обронит: «Мы в морге, зон у меня и бирка на ноге». Затем светлеет. Но эта лампада утра не для тех, кто собран здесь, в весьма неуютном доме. Именно так, на наш взгляд, читается спектакль его авторами и действующими лицами.

Другие фрагменты в сюжетной композиции — купе поезда, квартиры интересной женщины (артистка Ольга Иванова) и закрышка, он

же Пассажир. Он же Сантехник (заслуженный артист РСФСР Аркадий Прохоров), как и «окно» антресолей — суть одно целое — форма темы, а точнее, «соль» спектакля «А поутру они проснулись...».

«Пьянству — бой» — формула в ее практической реализации в определенной степени зыбкая, расплывчатая. Гиперболизирован и а, однако не по существу вопроса. Существо в другом — есть ли социальное зло — перво-причина, порождающая алкоголизм? Спектакль (интерпретируя В. Шукшина) вслед за ним отвечает: в нашей действительности нет. Но ведь пьют! И медвырезатели существуют на хозрасчете. Рентабельное, стало быть, «хозяйство». Так в чем же дело? В бездуховности, чванстве, хамстве одних и в чрезмерной, а вернее сказать, отбавляющей идущей равенности других. Моральный пафос постановки зиждется именно на этом.

Вот два сильных, эмоционально выразительных эпизода. Человек добрый и, видимо, замкнутый по своей натуре (он и назван Молчаливым) встречается с хамом да еще и жуликом. При покупателе, стоящем в очереди за мясом, продавец-хам выставил его из магазина, опозорил. Мир рухнул. Истерзана совесть. «Почему никто не заступился из тех, покупателей? Все видели и, потупясь, молчали». Тут особая глава для раздумий. А сам-то почему предпочел пришить себя к кресту мученика, а не пошел в атаку на вора? Не пошел. А ведь есть куда пойти за поддержкой. Бутылка не выручит, не

снимет с креста. А Закон все бы поставил на свое место. Когда слушай наступавшей в грязь — ее не топчешь в наказание. Может ли Человека обидеть, оскорбить подонок? Звать к чести жулика? Марать об него руки. Нет, здесь только гражданская активность, и твоя именно, а не Дядина — та сила, которая способна растить нравственные цветы. А без нее бурьяну вольготно.

И совсем иная ситуация: разлад в семье. Жена ведет странный образ жизни. Какой? Непонятно на трезвую голову. С горя от сомнений надрался до зелени в глазах, перепутал адреса, ворвался сослепу в чужую квартиру и учинил погром: «Куда спутругу «спрятали»?

«Не в тот трамвай села». Увы, это прояснится только утром. Эта сцена — своеобразный моральный урок без канной-либо назидоющей нотки.

Спектакль получился смешным, а вовсе не страшным. Жизнь большого мира — вне этих анекдотических частностей — вершила свои добрые дела. Катились детские колесочки. Строились дороги века. И жалким и ничтожным казался Урка, он же Интернешнл Мужчина, в исполнении артиста Леонида Воробьева.

Трагедии из-за шуб, выкроенных из норковых шкур, должного краха зазнавшегося чиновника для нравственно здорового организма — предмет для веселого развлечения. И эту мысль подсказал нам театр из Новосибирска в спектакле «А поутру они проснулись...». И мы смеялись над этой «серьезной» мыслью от души.

Но и задумывались крепко: а какие же мы сами? Чаше на лирических интермедийных заставках, тонко, проникновенно исполняемых оркестром и хором. Например, песня в финале первой части (дирижер Вячеслав Прасолов, хормейстер Татьяна Горбенко).

Искусство оперетты в спектакле, о котором мы вели речь, как бы на наших глазах высколо из фраки и избрало наряд, подходящий к совсем иному «салону». И что же? Да ничего. Художественность ослалась. И когда под занавес мы, улыбаясь и аплодируя, смотрели на героев спектакля, задрапированных в простыни завешенных для поклонников «зеленого змия», они чем-то напомнили нам знакомых по древней истории изнеженных патрициев, собравшихся в знаменитых римских термах (по-нашему, банях). И это тоже было смешно. Во как отмылись!

Спектакль, как и материал, послуживший его выходу на сцену, — полная собственность Новосибирского театра музыкальной комедии. Хотелось бы, не критики ради, а как пожелание в дальнейшей работе над этим, бесспорно, интересным произведением посоветовать как-то более выявить, на какой вопрос дается ответ, а на какой — тоже поставленный, — мы его не находим. Еще больше — прямой сатиры. И тогда тема станет еще злободневней, а стало быть, и действенной. А значит, и зрелищней, что так любит и к чему всегда стремится «веселый жанр».

В. БЕРНАДСКИЙ.